Дворы Свердловска

Давно кипят на Чёрном море
Мирские страсти по Христу…
А я в своём ночном дозоре
Дворы свердловские мету.

Войны ортодоксальный метод
Реконструирует метла,
А я пикирую, как этот…
Бомбардировщик без крыла.

На море — и почёт, и слава,
Там подвиги и ордена…
Но мусор слева, мусор справа,
И в перспективе ни хрена.

Ничто на чокнутой планете
Не вышибет военный клин…
Солдаты всё-таки не дети,
А я — маленько дети, блин.

Какой почёт, какая слава,
Когда свердловские дворы
Не ясно — слева или справа
Чернее моря, тьмы, икры.

Греми, война на Чёрном море!
Кипите, страсти по Христу!
Ведь я за всех в ночном дозоре
Дворы свердловские мету.

Мне не нужны трофеи, слава,
Шевроны, лычки, ордена,

Аплодисменты, крики «браво»,
А вот метла, — метла нужна.

Гомер в библиотеке

Гомер ведёт себя в библиотеку.
Гомер ведёт себя в библиотеке
Совсем не так, как правильные греки
Себя ведут.
Ему за это премию дадут…
В библиотеке.

Гомер привёл себя в библиотеку,
Потом Гомер привёл библиотеку
В пример.
Библиотека. Премия. Гомер
В библиотеке.

Гомер согласен жить в библиотеке.
Библиотека в нём согласна жить.
С шальной библиотекаршей дружить
Решил Гомер.
Гомера долго ставили в пример
Библиотеке.
Правильные греки
Не верят ни в какие чудеса.
Бессонница. Тугие паруса.
И это всё в одной библиотеке.

Гомеру Бог послал библиотеку.
Гомера Бог послал в библиотеку.
Сказал: «Тебе там премию дадут.
Иди туда».
Империя мертва. Идут года.
До Спарты не доходят поезда.
Повсюду персы, Господи прости.
Зачем они пришли? Кого пасут?
Врагов давно пора отдать под суд!
Нельзя в библиотеку чушь нести!
Нельзя в библиотеке чушь нести!
Но все несут.

Пускай Гомер идёт в библиотеку,
Нельзя мешать такому человеку
В себя идти.
Не стойте у великих на пути,
Он мчится ввысь!
Пока толпа орёт ему: «Проспись», —
Он пишет «Илиаду». Эх, Гомер,
Тебя так часто ставили в пример,
Что больше ставить некуда, Гомер!
Ты свет в чередовании эпох!
И даже в трезвом виде ты неплох,
А в пьяном — Бог.

Ты Бог, ведь не подвластен человеку
Мир тайных сфер!
Неси любую чушь в библиотеку.
Тебе это позволено, Гомер!
Давай, Гомер, неси в библиотеке
Любую чушь.
Тебя всем грекам ставили в пример
Не только греки.

Гомер махнёт рукой, уедет в глушь,
Где возведёт себе библиотеку
В библиотеке.
Не каждый гений так себя ведёт.
Немыслимо! Ему любая чушь идёт!
Всё дело, если логика не врёт,
Совсем не в том, что високосный год,
Не в том, что деградировал народ,
Читатель измельчал и век не тот,
Не в том, что кто-то пьёт или не пьёт…
Не в книгах дело, дело в человеке.

А где-то вдалеке гремит салют.
Гомеру снова премию суют…
В библиотеке.

Чемоданный рок

А сложить бы сейчас поэзию в чемодан
И уплыть на рыбацком траулере туда,
Где всё время то Миссисипи, то Иордан,
То какая-нибудь ещё, так сказать, вода.

Чтобы не было никаких городов и стран.
Чтобы в этой воде никто не решал за нас,
Где у нас теперь Гваделупа и Тегеран,
Где у нас теперь Апеннины, а где Парнас.

Будет новая Скандинавия на ките…
Потому что киты не любят носить старьё.

Потому что на фоне вечности в темноте
Всё нейтральное принимается за своё.

Но не каждый имеет право на волшебство,
Потому-то когда-нибудь и покинет мрак
Только тот, кто не прогибался ни под кого,
Даже если и был местами совсем дурак.

Будет Мексика и Бразилия. Будет Крит.
Будет в статусе многих стран пребывать вода.
Будет яркий и незапятнанный колорит…
Будет всё хорошо. Осталось понять, когда.

Прогуляться бы, так сказать, по другим мирам,
Потому что внутри реальности меркнет свет.
А послать бы сейчас реальность к таким херам,
Чтобы даже не возвращалась послать в ответ.

А сложить бы сейчас поэзию в чемодан
И уплыть на рыбацком траулере туда,
Где всё время то Миссисипи, то Иордан,
То какая-нибудь ещё, так сказать, вода.

Миллионы лет

Привычна лень и беспросветна ложь.
И строятся на грязном тротуаре
Кареты скорой помощи. Пойдёшь
В библиотеку, но очнёшься в баре,

Где всесторонне пьяная весна
Раскачивает столики и стены…
И Мельпомена до того пьяна,
Что в ней не замечают Мельпомены.

Она сама себе сколотит гроб
Из барных стульев и получит розы
От зрителей. И выйдет в гардероб,
Где будет спать до следующей дозы.

А где-то вдалеке такой прогресс,
Что ямщики, прикладываясь к флягам,
Сворачивают в сторону небес
И умирают под имперским флагом.

Россия. Миллионы лет назад
В ней мамонты отождествляли вьюгу
С десятком птеродактилей подряд,
Кружащихся по замкнутому кругу.

А нынче — до того дошёл прогресс,
Что все суицидальные бояре
Сворачивают в сторону небес…
И строятся на пыльном тротуаре

Кареты скорой помощи. Разряд.
Ещё один разряд. Но временами
Мы чувствуем, как мамонты парят
В костюмах птеродактилей над нами.

Реквием по слогам

За четыре шага до смерти — там,
Где впадают мысли в жилой массив,
Кровь диктует память свою бинтам,
Ведь погибший мир до того красив,

Что война снимает на Polaroid
Его вкус, дыхание и черты…
Темнота ложится на рубероид
В образе отравленной темноты.

В доме проявляется звукоряд,
Но истекшим временем стол залит.
Так живые с мёртвыми говорят
Голосами битых гранитных плит,

Белым шумом, тенью наискосок,
Детским смехом, нотами в два ряда.
И течёт по венам томатный сок,
Будто крови не было никогда.

В свете лампы — внутренняя война.
В событийном вакууме. Всерьёз.
В тёмном коридоре. Но чья вина,
Что один ответ на любой вопрос?

На любой невроз пустота в ответ.
Реквием абсурда по всем статьям.

Память выключает будильник, свет.
Память в темноте оркестровых ям.

Здесь её никто не найдет теперь,
Не прочтёт, молчанием воскресив…
А в конце пути сквозь входную дверь
Музыка выходит в жилой массив.

Минус полтора дюйма змеи

Эта змея укусит себя за хвост,
Станет короче дюйма на полтора.
Мир не настолько скучен, насколько прост.
С этим пора смириться. Давно пора.

Но голоса в молчании цвета тьмы
От недостатка света сменили цвет.
Чувствуется, что тут есть не только мы.
Даже подозреваю, что нас тут нет.

Тот, кто всё время дышит из темноты,
Каждому презентует последний вдох,
Правит шизофренией слова, мечты…
Ищет вдоль всякой искренности подвох.

Мы не одни. В той комнате кто-то есть.
Я его слышу. Слышите? Это он.
Он уже близко. Скоро он будет здесь.
Скоро он будет всюду. Со всех сторон.

Я говорил, что к этому всё идёт.
Я вас неоднократно предупреждал.
Нужно учиться думать на жизнь вперёд.
Нужно не выходить по ночам в астрал.

Нужно сменить замки и остаться здесь.
Тот, кто за дверью, тоже боится нас.
Он тоже знает: в комнате кто-то есть,
Но не уверен, кто в ней на этот раз.

Линия жизни станет змеёй, а мост
В будущее — взорвётся. Давно пора.
Эта змея укусит себя за хвост,
Станет короче дюйма на полтора.

Право руля

Право руля остаться самим собой
Проще нарушить, если по курсу — мель.
Всем, во-первых, плевать, во-вторых, отбой,
То есть рулить не надо, пора в постель.

Ночью начнут сбываться такие сны,
Что просыпаясь каждые пять минут,
Можно внутри бессмысленной тишины
Стать пустотой, в которую сны свернут.

Право руля послать капитана в брод
Проще нарушить, если вокруг земля,
Если в пустыне жизни за воду пьёт
Белый скелет погибшего корабля.

Те, кто рулём считают любой штурвал,
Встретят его когда-нибудь в жутком сне
В образе людоеда, который звал
В гости, чтобы в кипящей сварить волне.

Право руля считать свою тень рулём
Проще нарушить, если не нарушать…
Но в каждом сне какой-нибудь водоём
Давит на психику, и тяжело дышать.

Хочется утонуть в предыдущем сне,
Чтоб не увидеть следующий провал,
Чтоб не свариться в мутной ночной волне,
Если позвал в неё людоед-штурвал.

Право руля признать за собой вину
Проще нарушить, если его вина,
Смерть превращая в сон, предвещает сну
Судьбы всех кораблей в перспективе дна.

Простая игра

Не верьте, что это простая игра.
Не каждый из нас доживёт до утра,
А те, кто столкнутся с рассветом,
Ещё пожалеют об этом.

Здесь громкая музыка, смех и вино,
Но вряд ли тому из нас будет смешно,

Кто в сторону траурной арки
Поедет с утра в катафалке.

Придётся вернуться к началу начал.
Я помню Исландию, чёрный причал.
Я помню, как чайки кричали
На этом проклятом причале.

Я помню густой вулканический дым.
Я, кстати, вернулся оттуда седым,
И пил две недели в Тагиле…
Как будто бы вы там не пили.

Я жил в окружении диких котов,
Теперь я ко многому в жизни готов:
К мутации, смерти, эболе,
Дубинке мента на футболе.

И вот я на съёмной квартире в Перми,
Прими меня, Господи, трезвым прими,
А пьяным меня принимали
Во всех городах на Урале.

Я помню Антарктику. Зрительный зал
Там в спины пингвинов рядами вмерзал,
И я, как дебил, с микрофоном
Ходил по заснеженным склонам.

Не надо стоять у меня на пути,
Я просто хочу ваши души спасти,
У вас там Содом и Гоморра
С другой стороны коридора.

Я помню вулканы и синие мхи,
Которые просто не любят стихи.
Там нечего делать поэтам…
Давайте не будем об этом.

Давайте попробуем выйти туда,
Где выбранный путь освещает звезда,
А вовсе не светодиоды…
Простите меня, идиоты.

Я выпил на склоне вина, а затем
Прочёл леднику два десятка поэм.
Вы не были в этом полёте,
Поэтому вряд ли поймёте.

А я понимал, что ещё пара лет —
И я превращусь в бесполезный скелет
В шкафу безучастного Бога…
В натуре, обидно немного.

Я помню, как выпил на склоне вина.
В те годы я, кажется, пил до хрена…
А впрочем, не больше, чем в эти…
Не пейте, пожалуйста, дети.

По-моему, Господу просто плевать
На все наши тайны, но что мне скрывать,
Ведь кончилась эта дорога
Не дальше порога.